

АСТРА ВРАНЕШ

ПЯТЕРО ЧУЖИХ. ОДНА ЛОВУШКА.

ЧЁРНЫЙ ЗАВОД

Астра Вранеш
Чёрный завод

«Автор»

2026

Вранеш А.

Чёрный завод / А. Вранеш — «Автор», 2026

Одни приезжают в Вороний Мыс за работой. Другие за ответами. Никто не знает, что уехать смогут не все. На берегу карельского озера стоит заброшенный завод, закрытый много десятилетий назад. Официальные документы говорят о несчастных случаях. Местные жители предпочитают не задавать вопросов. И все, как один, повторяют лишь одно правило: Не смотри на завод ночью. Журналистка, архитектор, биолог, специалист по выживанию, студентка и провизор приезжают в посёлок по совершенно разным причинам. Но очень скоро понимают, что их пути пересеклись не случайно. За стенами старых цехов скрывается не просто забытая история. Там пробуждается нечто, существовавшее задолго до появления завода, посёлка и людей. Когда исчезает первый человек, становится ясно: выбраться отсюда будет гораздо сложнее, чем войти. Атмосферный мистический триллер с элементами психологического хоррора, где древняя тайна скрывается среди карельских лесов, а самый опасный шаг начинается с простого любопытства.

© Вранеш А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Последний автобус	5
Глава 2. Утро	9
Глава 3. Пять историй	15
Глава 4. Подвал	20
Глава 5. Северный берег	26
Глава 6. Двадцать метров	32
Гл	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Астра Вранеш Чёрный завод

Глава 1. Последний автобус

Автобус «Петрозаводск — Вороний Мыс» ходил раз в сутки и прибывал в 18:10, если дорога позволяла. Дорога позволяла редко: последние двадцать километров она превращалась в грунтовку, которую размывало при любом дожде, а дождь в Карелии в сентябре считался нормой, а не происшествием.

В этот раз автобус опоздал на сорок минут.

Елена Дракова сидела у окна и смотрела, как темнеет лес. Он темнел как-то слишком быстро — не постепенно, как бывает к вечеру, а рывками, будто кто-то убирал свет по одному источнику за раз. Сосны стояли вплотную к обочине, и в сумерках у них не было глубины — просто тёмная стена, одинаковая с обеих сторон.

Она открыла блокнот и записала: *«Вороний Мыс. 58 постоянных жителей по данным на 2022 год. Пропавшие: 2014 — Олег Рыжов, турист, 34 года. 2018 — Светлана Кармазина, местная, 41 год. 2021 — двое туристов, гражданство финское, имена в протоколе замазаны. Все дела закрыты. Формулировка одна и та же — несчастный случай на воде. Слово в слово. Будто писал один человек.»*

Она остановилась на этой мысли. Слово в слово — это было не совпадение. Это была либо инструкция, либо страх. Она ещё не знала, что хуже.

Редакция дала ей десять дней. Материал под рабочим заголовком назывался «Карельский треугольник» — редактор любил такие названия, в них был запах тиража. Лене название не нравилось. Она предпочитала называть вещи точно, а не красиво.

Автобус дёрнулся на выбоине. За окном мелькнул указатель — белые буквы на ржавом железе: *ВОРОНИЙ МЫС, 3 км.* Под ним кто-то написал маркером что-то, что в темноте она не успела прочитать.

Она подумала: надо было остановиться и прочитать.

Максим Хомич приехал своим ходом — на старом «Патроле» с екатеринбургскими номерами, взятом ещё в мае у брата и до сих пор не возвращённом. Он въехал в Вороний Мыс раньше автобуса, заглушил двигатель на краю посёлка и несколько минут просто сидел.

Он умел читать места. Не в мистическом смысле — просто за годы работы в горах и тайге научился видеть то, что большинство людей не замечает: как расположены постройки, где открытое пространство, где можно подойти незаметно. Это была профессиональная деформация, и в городе она его раздражала. Здесь, в маленьких посёлках, она давала чёткую картину.

Картина Вороньего Мыса ему не понравилась.

Не потому что было что-то конкретно не так. Просто посёлок стоял неправильно — спиной к лесу, лицом к озеру, без буфера между домами и деревьями. Лес начинался сразу за огородами. В темноте из него можно было подойти к любому дому незамеченным.

Максим приехал, потому что его попросила Катя Снегирёва — бывшая студентка с курсов по ориентированию, теперь биолог на местной станции. Три недели назад написала: *«Мать заболела, мне срочно надо в Москву. Поживёшь на базе, последишь за оборудованием? Плачу.»* Катя была толковая, без лишней паники. Он согласился.

Потом выяснилось, что Катя уехала четыре дня назад и с тех пор не выходила на связь.

Телефон недоступен. Он сказал себе: роуминг, больница, не до звонков. Почти убедил себя.

Он вышел из машины. Воздух был холодный, влажный, пах хвоей и чем-то ещё — чем-то старым, как мокрое дерево. Озеро было видно в конце улицы: чёрное, неподвижное. На острове напротив громоздились руины — длинное приземистое здание без крыши, проломленные стены, накренившаяся труба.

Местный мужик, шедший мимо с ведром, остановился и молча посмотрел на него.

— Приятель попросил приглядеть за биостанцией. Снегирёву Катю знаете?

Мужик помолчал секунду дольше, чем нужно.

— Знаю, — сказал он и пошёл дальше.

Максим снова посмотрел на остров.

Марина Волк доехала попуткой — сначала до Сортавалы на автобусе, потом три часа в кабине грузовика с водителем, который всю дорогу молчал, что её вполне устраивало. Она умела молчать с людьми так, что это не было неловко, — одно из немногих умений, которые она ценила в себе безоговорочно.

Водитель высадил её на повороте и сразу, не прощаясь, развернулся обратно. Марина посмотрела ему вслед. Потом на дорогу вперёд.

Она ехала собирать материал для диплома: руководитель прислал контакты трёх пожилых жительниц посёлка, которые помнили его с сороковых. Марину интересовала коллективная травма — что происходит с закрытым сообществом, когда в нём систематически пропадают люди. Как люди объясняют это себе. Какие истории придумывают, чтобы не бояться.

Посёлок встретил её тишиной, которая была слишком плотной для вечера. В нормальном месте вечером есть фон — телевизоры за окнами, разговоры через забор, собаки. Здесь была тишина, будто все закрылись внутри и не хотели напоминать о своём существовании.

К ней подошла женщина лет сорока, крепкая, в ватнике.

— Приезжая?

— Ищу дом Клавдии Ермолаевой.

Женщина посмотрела на неё с выражением, которое Марина хорошо умела читать. Не настороженность, не враждебность. Что-то между жалостью и предупреждением, которое человек не решается произнести вслух.

— Третий дом слева. — Пауза. — Вы до темноты устраивайтесь, куда вам надо.

— Я здесь на десять дней.

Женщина отвела взгляд.

— Ну, — сказала она. — Дело ваше.

Ранко Йович приехал с петербургского поезда на такси — сначала до Петрозаводска, потом ещё два часа на север. Водитель по-русски говорил быстро и с акцентом, Ранко по-русски говорил медленно и тоже с акцентом, поэтому всю дорогу они молчали, что устраивало обоих.

Контракт ему прислал архитектурный факультет — точнее, декан лично, что было странно. Местная администрация района искала специалиста для оценки руин старого завода на предмет реновации. Ранко был на третьем году аспирантуры, делал диссертацию по промышленной архитектуре советского периода. Это место было идеальным объектом.

Он не знал, что он был третьим, кому предложили этот контракт. В письме об этом не говорилось.

Такси остановилось у края посёлка — дальше водитель ехать отказался, сославшись на дорогу. Ранко вышел с рюкзаком и огляделся.

Остров был прямо напротив, через узкий пролив. Деревянный мост соединял берег с островом — старый, но, судя по виду, ещё держащийся. На острове стояли руины завода: чёрные от времени стены, провалившаяся крыша, два боковых корпуса с пустыми оконными про-

ёмами. В наступающей темноте они выглядели не как развалины — как рёбра чего-то огромного, что умерло здесь давно и не до конца.

Ранко достал телефон, сфотографировал.

Увеличил снимок.

В одном из оконных проёмов было что-то светлое. Не луна — луна была с другой стороны. Просто свет, тихий, неподвижный, почти органический. Он смотрел на него несколько секунд и не нашёл объяснения. Убрал телефон. Решил, что разберётся утром — при дневном свете всё выглядит иначе.

Это была правда. При дневном свете завод выглядел иначе.

Но лучше от этого не становилось.

Автобус въехал в посёлок в 18:52 и встал у магазина. Вышли четверо: Елена Дракова с рюкзаком и блокнотом, пожилая пара с сумками и Лера Антонова — аккуратная, светловолосая, в практичной куртке, с небольшим чемоданом на колёсиках, который сразу увяз колесом в грязи.

Лера вытащила чемодан, осмотрела колесо, достала из кармана влажную салфетку и протёрла. Лена, стоявшая рядом, подумала: *этот человек едет в карельскую деревню с влажными салфетками*. Потом — что это, в общем, разумно.

— Аптека здесь где? — спросила Лера в пространство.

— Не знаю. Я первый раз.

— Я тоже. — Лера убрала салфетку. — Лера.

— Лена.

Они не пожали руки — было темно, холодно, обе держали вещи. Просто кивнули.

У магазина стоял высокий мужик с большим рюкзаком и смотрел на остров. Чуть дальше — молодой парень с иностранным лицом, в хорошей куртке, с телефоном. Ещё дальше по улице шла тёмноволосая женщина, которая обернулась на звук автобуса и на секунду встретилась взглядом с Леной.

Пятеро чужих в посёлке из пятидесяти восьми человек.

Никто из них не знал, что паромное сообщение с большой землёй закрыто с завтрашнего утра на ремонт моста — объявление висело на доске у магазина вторую неделю, но кто читает объявления в чужом посёлке.

Никто не знал, что в эту ночь в лесу за северной окраиной кое-кто уже наблюдал за огнями в окнах, методично считая новые лица.

Ночью Лена проснулась без причины в половине третьего.

Комната у Зои Петровны была чистая, холодная, с единственным окном на озеро. Лена лежала и смотрела в потолок. Снаружи не было ничего — ни ветра, ни дождя, ни единого звука. Просто тишина, плотная, как пробка в бутылке.

Потом из-за стены донёсся голос хозяйки. Тихий, монотонный, без пауз. Сначала Лена решила — телефон. Потом поняла: это молитва. Старуха молилась в три ночи, и в голосе не было покоя — было что-то, похожее на страх, загнанный в ритм слов, чтобы не вырваться наружу.

Лена не могла разобрать почти ничего. Только одно повторялось снова и снова, чётко, как гвоздь в доске.

Не смотри туда. Не смотри туда. Не смотри туда.

Лена медленно повернула голову к окну.

За проливом, в руинах завода, горел свет. Не отблеск луны, не фонарь. Что-то живое, пульсирующее, тёмно-багровое — как уголь, в котором ещё не погас жар. Оно двигалось мед-

ленно, плавно, из одного оконного проёма в другой. Не как человек с фонарём. Как что-то, у чего нет причины торопиться.

Оно остановилось в последнем окне — том, что смотрело прямо на её сторону озера.

И Лена поняла — с той безошибочной ясностью, которая иногда приходит ночью и которой не веришь утром, — что оно смотрит на неё в ответ.

Она не отвела взгляд. Не могла.

За стеной Зоя Петровна всё повторяла своё.

Не смотри туда.

Глава 2. Утро

Утром завод был просто заводом.

Лена стояла у окна с кружкой чая и смотрела на остров. При дневном свете руины выглядели именно так, как и должны выглядеть руины: серые, мёртвые, скучные. Проломленные стены, труба с трещиной, из которой давно ничего не шло. Проржавевшая ферма над центральным корпусом. Деревянный мост через пролив — метров восемьдесят, не больше, с разошедшимися досками настила.

Никакого света. Никакого движения.

Ночью она несколько раз говорила себе встать, отойти от окна, лечь спать. И несколько раз не делала этого — просто стояла и смотрела, пока свет в руинах не погас сам, тихо и без предупреждения, как будто его никогда и не было. Потом она всё-таки легла. Не спала до пяти.

Зоя Петровна за завтраком была молчаливой и деловитой — поставила на стол яйца, хлеб, масло, налила чай и села напротив с видом человека, который ждёт вопросов и уже решил на них не отвечать.

Лена выждала, пока они обе поедят.

— Зоя Петровна, я ночью не спала. Видела свет на заводе.

Старуха поставила кружку. Посмотрела на Лену долго — не с удивлением, а с чем-то похожим на усталое понимание.

— Бывает, — сказала она.

— Что бывает?

— Свет бывает. — Она поднялась, забрала свою тарелку. — Вы на завод не ходите. И на мост не ходите. И ночью на улицу не выходите.

— Почему?

Зоя Петровна остановилась в дверях кухни. Не обернулась.

— Потому что я вам говорю, — сказала она и ушла.

Лена записала это дословно в блокнот. Потом оделась, взяла диктофон и вышла на улицу.

Посёлок при дневном свете оказался меньше, чем она думала. Одна главная улица вдоль берега, четыре переулка уходят в гору к лесу, магазин, фельдшерский пункт с запертой дверью и табличкой «приём по средам», клуб с заколоченными окнами, причал с одной лодкой. Всё.

Людей на улице почти не было — только старик с тачкой у дальнего огорода и двое мужчин у магазина, которые замолчали, когда Лена прошла мимо, и проводили её взглядом.

У причала стоял тот парень с иностранным лицом — смотрел на мост и делал заметки в блокноте. При дневном свете он выглядел немного не так, как вчера вечером: собранным, профессиональным, только чуть растерянным — как человек, который нашёл не совсем то, что ожидал.

Лена подошла.

— Ты вчера с автобуса?

Он обернулся. Молодой, темноволосый, с характерным южным лицом. Нос с горбинкой. Куртка хорошая, рюкзак профессиональный, блокнот с твёрдой обложкой.

— Нет, такси. — Лёгкий акцент, но русский правильный, свободный. — Ранко. Я архитектор, приехал посмотреть завод.

— Лена. Журналист. — Она посмотрела на мост. — И как — можно туда пройти?

— Формально — да. Замка нет. — Он помолчал. — Я пытался зайти час назад. Дошёл до середины моста и...

Он замолчал. Лена подождала.

— Ушёл обратно, — сказал он наконец.

— Почему?

Ранко посмотрел на неё. Пауза была секунды три — он, кажется, оценивал, стоит ли говорить правду незнакомому человеку.

— Не знаю, — сказал он. — Там что-то такое... — Он поискал слово. — Давит. Как перед грозой. Я подумал, что лучше сначала посмотреть на планы здания, если они есть. Найти документацию.

— Разумно, — сказала Лена.

Ни один из них не сказал, что думал на самом деле: что дойти до середины моста и почувствовать желание немедленно уйти — это не «лучше сначала найти документацию». Это что-то другое.

Мост был старый, деревянный, метров восемьдесят. С берега он выглядел совершенно обычно.

Лена смотрела на него и думала о том, что в нормальных обстоятельствах журналист-расследователь пошёл бы туда сразу. Именно за этим же и приехал.

Она не пошла.

Максим нашёл биостанцию по адресу, который Катя прислала ещё месяц назад, — небольшое здание на северной окраине посёлка, бывший склад, переоборудованный под лабораторию. Замок на двери был закрыт, но ключ лежал под третьим камнем слева от крыльца, как Катя и сказала.

Внутри было всё на месте: оборудование, папки с данными, запас консервов на случай непогоды. Катина кружка с засохшим чаем на столе — значит, уходила в спешке. Записок не было.

Максим сел за стол и ещё раз набрал её номер.

Абонент недоступен.

Он посмотрел на кружку. Потом в окно — за окном был лес, сразу, в десяти метрах, плотный, тёмный, с подлеском, сквозь который ничего не видно уже на второй линии деревьев.

Он занимался выживанием профессионально двенадцать лет. За эти двенадцать лет у него выработалось несколько правил, которые он не нарушал никогда. Первое: доверяй ощущению опасности, даже если не можешь объяснить его разумно. Ощущение — это не мистика, это периферийное зрение и подсознательная обработка информации, которую сознание ещё не успело проанализировать.

Прямо сейчас он ощущал опасность.

Он встал, проверил машину — стоит, ключи в кармане. Обошёл периметр здания. Ничего. Следов чужого присутствия нет. Лес стоит тихо.

Всё нормально.

Почему ему так не нравится этот лес?

Он вернулся внутрь, закрыл дверь на засов и начал разбирать Катини папки — систематически, с самых старых. Он не знал, что ищет. Но знал, что что-то здесь не так, и привык начинать с документов.

На третьей папке он остановился.

Это был Катин дневник наблюдений — обычный рабочий журнал биолога: дата, погода, результаты замеров, примечания. Последняя запись была датирована пятью днями назад, за день до её отъезда.

Основная часть записи была стандартной. В конце — приписка другим почерком, быстрым, нажим сильнее обычного:

«Ночью опять видела свет на заводе. Уже третий раз за неделю. Спросила Ермолаеву — та сказала не смотреть и разговор закончила. Я позвонила в районную администрацию

насчёт моста, они сказали, что на остров уже два года никто официально не заходил. Завтра утром пойду сама. Если что — ключ под камнем, Максим знает».

Максим перечитал последнюю фразу дважды.

Если что.

Катя Снегирёва не была человеком, который пишет «если что». Она была человеком, который пишет точные наблюдения и конкретные планы. «Если что» — это не её стиль. «Если что» — это когда человек допускает вероятность, которую не хочет формулировать прямо.

Он закрыл папку. Встал. Посмотрел в окно на лес.

Потом взял куртку, вышел и пошёл к мосту.

Лера Антонова аптеку нашла сама — она была в жилом доме на второй улице, без вывески, просто с нарисованным от руки красным крестом на двери. Провизор уже уехал, дверь была открыта, внутри записка: «Антонова — ключ у соседей, Галина Фёдоровна, д. 7».

Галина Фёдоровна оказалась женщиной лет шестидесяти пяти, быстрой и конкретной. Выдала ключ, показала, где запасы, объяснила, кто из местных за чем обычно приходит. Потом помолчала и добавила:

— Вы в аптеке ночевать не будете? Там холодно, я имею в виду.

— У меня комната снята, у Ирины Сергеевны на второй улице.

— Ну и хорошо. — Галина Фёдоровна зачем-то посмотрела в окно. — Вы далеко от берега не ходите вечером. И на мост не ходите.

Лера подняла взгляд.

— Это уже второй человек за утро, который говорит мне не ходить на мост.

Галина Фёдоровна поджала губы.

— Значит, третьего ждать не надо, — сказала она и закрыла тему с видом человека, у которого на этот счёт есть очень чёткое мнение и ни малейшего желания его объяснять.

Лера вернулась в аптеку, открыла, провела инвентаризацию — методично, с блокнотом. Это было первое, что она всегда делала на новом месте: разбиралась с тем, что есть, чего не хватает и что может понадобиться. Провизор оставил хороший запас базовых препаратов. Перевязочного материала было мало — она записала в список на дозаказ. Обезболивающих достаточно. Антисептик есть.

Она занесла в блокнот последнюю позицию и только потом позволила себе подумать о том, о чём думала всё это время.

Два человека сказали ей не ходить на мост. Ни один из них не объяснил почему. Это было либо местное суеверие — такое бывает в маленьких закрытых общинах, — либо что-то реальное.

Лера не верила в суеверия. Но она была достаточно умна, чтобы понимать: суеверия часто вырастают из реального опыта, который люди не умеют объяснить иначе.

Она убрала блокнот и посмотрела в окно — маленькое, с видом на переулок. Отсюда завода не было видно. Только лес над крышами.

Ей это почему-то понравилось.

Марина Волк провела утро у Клавдии Ермолаевой — восьмидесятидвухлетней женщины с острым умом и привычкой молчать дольше, чем большинство людей выдерживают паузу.

Марина умела выдерживать паузы.

Они сидели за столом с чаем, и Марина просто спрашивала — про детство, про посёлок, про то, как жили раньше. Стандартное начало: дать человеку разогреться на безопасном. Ермолаева отвечала коротко, но охотно — про рыбную ловлю, про зиму, про то, что раньше в посёлке было сто двадцать человек, а теперь пятьдесят восемь.

— А завод когда закрылся? — спросила Марина в нужный момент, не меняя интонации.

Ермолаева помолчала. Это была другая пауза — не та, что перед обычным ответом.

— В девяносто четвёртом, — сказала она.

— Что случилось?

— Несчастный случай.

— Какой?

Ермолаева поставила кружку. Посмотрела на Марину прямо — так смотрят очень старые люди, которым уже не нужно притворяться, что им нечего скрывать.

— Девочка, — сказала она, — я прожила здесь восемьдесят два года. Я видела всё, что здесь происходило. И я давно поняла: есть вещи, про которые лучше не знать. Не потому что страшно. А потому что знание ничем не помогает. — Она взяла кружку обратно. — Завод закрылся в девяносто четвёртом. Шестеро не вышли. Официально — несчастный случай. Вот и весь ответ.

— Шестеро, — повторила Марина.

— Шестеро.

— А неофициально?

Долгая пауза. Ермолаева смотрела в окно — то окно, за которым был виден краешек острова.

— Неофициально, — сказала она наконец очень тихо, — они вышли. Не все. Двое вышли. — Она помолчала. — Они ничего не рассказали. Совсем ничего. Один уехал в ту же ночь и больше не возвращался. Другой остался. Через три месяца его нашли в лесу. — Она снова помолчала. — Он сам себя нашёл. Зашёл в лес и не вышел.

Марина ничего не записывала. Просто слушала.

— Клавдия Васильевна, — сказала она, — а вы знаете, что там было? На заводе?

Ермолаева посмотрела на неё снова — долго, оценивающе.

— Знаю, что там есть что-то очень старое, — сказала она. — Старше завода. Старше посёлка. Старше нас с вами. — Пауза. — И что оно злое. Не в смысле, что не любит людей. В смысле, что любит их слишком сильно. — Она встала. — Ещё чаю?

Марина кивнула.

Она смотрела в окно, пока хозяйка шла к плите. Краешек острова. Тёмные стены. Пустые проёмы окон.

Любит слишком сильно.

Она вспомнила, что говорят про насекомых, попавших в росянку. Что растение не охотится. Что оно просто привлекает. И ждёт.

За окном на улице мелькнула фигура — высокий мужчина шёл к причалу быстрым шагом, с видом человека, у которого есть конкретная цель.

Марина не знала его. Но что-то в том, как он шёл — прямо, не останавливаясь, — заставило её подняться.

— Клавдия Васильевна, — сказала она, — извините, я на минуту.

Максим уже стоял у начала моста, когда его догнала незнакомая женщина.

— Подождите, — сказала она. — Вы туда идёте?

Он обернулся. Тёмные волосы, умный взгляд, говорит без предисловий. Хорошо.

— Иду, — сказал он.

— Зачем?

— Приятель попросил присмотреть за биостанцией. Приятель пропал. Последняя запись в её журнале — она пошла на завод.

Женщина помолчала секунду.

— Марина, — сказала она.

— Максим.

— Я иду с вами.

Он посмотрел на неё. На её куртку — лёгкую, городскую. На кроссовки.

— Там грязно и скользко.

— Я знаю, — сказала Марина. — Я всё равно иду.

Максим пожал плечами. Он не был человеком, который тратит время на разубеждение взрослых людей.

Они вышли на мост. Доски скрипели, но держали. Вода под настилом была тёмная, почти чёрная — глубокая, с медленным течением. Остров приближался.

На середине моста Максим остановился.

Не потому что что-то увидел. Не потому что что-то услышал. Просто в какой-то момент он понял, что воздух изменился — стал тяжелее, как перед грозой, хотя небо было чистым. Что-то давило на грудь изнутри, несильно, но настойчиво.

Он стоял и методично анализировал ощущение. Это была не паника — панику он знал хорошо, умел её опознать и отделить от реального сигнала. Это было что-то другое.

Марина остановилась рядом.

— Чувствуешь? — спросила она тихо.

— Да.

— Что это?

— Не знаю, — сказал он.

Они стояли на середине моста и смотрели на завод. При дневном свете здание было просто старым и разрушенным. Окна — просто проёмы в стене. Ворота — просто ржавый металл.

Ничего там не было.

Максим сделал шаг вперёд.

И остановился снова — потому что в центральном оконном проёме, в той самой точке, которая была чёрной и пустой секунду назад, что-то двинулось. Не свет. Не тень. Что-то между — как будто сам воздух в проёме стал на долю секунды другим, более плотным, и тут же вернулся обратно.

— Ты видел? — спросила Марина.

— Видел.

— Что это?

Максим не ответил. Потому что у него не было ответа, а говорить «не знаю» дважды подряд он не привык.

Они стояли. Завод стоял напротив.

Потом со стороны берега раздался голос:

— Эй!

Они обернулись. У начала моста стоял тот архитектор с иностранным акцентом — Максим видел его вчера мельком — и рядом с ним женщина с блокнотом, которую он тоже видел мельком.

— Вы туда идёте? — крикнул архитектор.

Максим помолчал. Посмотрел на завод. Потом на них.

— Пока нет, — сказал он.

Их было четверо у начала моста, когда пришла пятая.

Лера Антонова шла с аптечным пакетом в руке и с видом человека, который не понимает, что здесь происходит, но намерен разобраться.

— Я видела из окна, что вы все тут стоите, — сказала она. — Что случилось?

Четверо посмотрели на неё. Потом друг на друга.

Максим понял, что объяснение займёт время. Он огляделся — причал, рядом перевёрнутая лодка, несколько ящиков. Нормальное место, чтобы поговорить.

— Садитесь, — сказал он. — Разговор будет длинный.

Никто из пятерых не знал ещё, что они только что образовали единственную группу в этом посёлке. Они просто сели — на ящики, на борт лодки, кто на что — и начали говорить.

На заводе за проливом было тихо.

В лесу за северной окраиной было тихо.

Это была та тишина, которая бывает перед тем, как что-то начинается по-настоящему.

Глава 3. Пять историй

Максим говорил первым — коротко, без лишнего. Катя Снегирёва, биостанция, журнал с последней записью. Пока говорил, достал из кармана сложенный лист — вырванную из журнала страницу. Положил на ящик.

Все прочитали. Никто ничего не сказал сразу — это Максиму понравилось. Люди, которые молчат после важной информации, как правило, думают, а не реагируют.

Потом заговорила Лена. Про пропавших — четверо за восемь лет, одинаковые формулировки в протоколах. Про Зою Петровну, которая молилась в три ночи и повторяла одно и то же. Про свет на заводе.

— Я тоже видел свет, — сказал Ранко. — Вчера вечером, когда приехал. Сфотографировал. — Он достал телефон, показал снимок.

Они смотрели. На снимке было плохо видно — вечер, расстояние, зерно. Но что-то там было: в крайнем левом проёме что-то светлое, неподвижное, неправильного оттенка для отражённого света.

— Я была у Ермолаевой, — сказала Марина. — Она рассказала про девяносто четвёртый. На заводе была авария. Шестеро не вышли. Двое вышли — один уехал сразу, второй через три месяца исчез в лесу.

— Добровольно? — спросила Лера.

— Она сказала «сам зашёл и не вышел».

Тишина.

— Это могло быть самоубийство, — сказала Лера. Не как предположение — как рабочая версия, которую надо либо принять, либо отвергнуть.

— Могло, — согласилась Марина. — Но Ермолаева сказала это с интонацией, которая мне не понравилась.

— Какой интонацией?

— Как будто она знает, что это было не совсем добровольно.

Лера помолчала. Открыла свой блокнот — маленький, с твёрдой обложкой, уже с какими-то записями. Написала что-то.

— Значит, что мы имеем, — сказала она. — Четыре подтверждённых исчезновения за восемь лет, плюс шестеро в девяносто четвёртом, плюс один предположительно связанный случай после. Одна пропавшая, которую мы знаем лично. — Она кивнула на Максима. — Свет на заводе, который видели как минимум трое из нас и сама пропавшая. Местные, которые говорят не ходить на мост, не смотреть туда и не выходить ночью, но не объясняют почему. — Она подняла взгляд. — Это всё?

— Нет, — сказал Ранко.

Все посмотрели на него. Он помолчал секунду — не театрально, а так, как люди молчат, когда не уверены, как именно сформулировать.

— Я архитектор. Меня прислали делать оценку завода — возможность реновации, туристический объект, всё такое. Я запросил документацию заранее, из Петербурга. Мне прислали технические чертежи тридцать первого года — когда строили. И акт обследования восьмидесят девятого — за пять лет до закрытия. — Он достал из рюкзака папку, открыл. — В акте восьмидесят девятого года есть раздел «особые замечания». Обычно там пишут про трещины в несущих конструкциях, про состояние кровли. Здесь написано три строчки, и они зачёркнуты. Не замазаны — именно зачёркнуты, от руки, поверх машинописного текста. Я попытался прочитать через просвет.

Он перевернул лист — там была фотография документа, снятая с подсветкой снизу. Текст под зачёркиванием читался с трудом, но читался.

Лена взяла лист и прочитала вслух:

— *«В подвальном помещении центрального корпуса обнаружены следы регулярного использования, не связанного с производственной деятельностью. Характер следов не поддаётся однозначной классификации. Рекомендовано...»* — Она помолчала. — Дальше не видно. Зачёркнуто плотнее.

— Кто зачеркнул — непонятно, — сказал Ранко. — Подписи нет. Но зачёркнуто явно позже, чем напечатано.

— «Не поддаётся однозначной классификации», — повторила Марина медленно. — Это написал технический специалист в официальном акте обследования советского предприятия в тысяча девятьсот восемьдесят девятом году.

— Да, — сказал Ранко.

— Технический специалист в советском акте обследования не пишет «не поддаётся классификации». Он пишет «загрязнение», «незаконное проникновение», «следы животных». У него есть инструкция на все случаи жизни.

— Я тоже так подумал.

Все молчали. Лера что-то дописывала в блокнот. Максим смотрел на завод.

— Итого, — сказал он, — у нас есть пропавший человек, который скорее всего пошёл на завод. И у нас есть веские основания думать, что на заводе что-то происходит. — Он встал. — Я иду туда.

— Подожди, — сказала Лена. — Просто идёшь — и всё?

— Есть другой вариант?

— Полиция.

Максим посмотрел на неё.

— Районный отдел — семьдесят километров. Телефонная связь здесь работает через раз. Катя пропала пять дней назад минимум. — Он помолчал. — Ты сама написала, что все четыре предыдущих дела закрыли с формулировкой «несчастный случай на воде».

Лена не ответила. Потому что он был прав, и они оба это знали.

— Я иду с тобой, — сказала Марина.

— Я тоже, — сказал Ранко. — Там мне в любом случае работать. Я должен был зайти ещё вчера.

— Я остаюсь, — сказала Лера. Это прозвучало не как трусость, а как решение. — Кто-то должен быть на берегу. Если вы не выйдете через — сколько?

— Два часа, — сказал Максим.

— Через два часа я иду в полицию. Лично. На машине. — Она посмотрела на Максима. — У вас есть машина?

— «Патрол» на северной улице.

— Ключи.

Он помолчал секунду. Потом достал ключи и отдал. Это был жест доверия по отношению к незнакомому человеку, и он это понимал. Лера взяла ключи без лишних слов и убрала в карман.

— Лена, — сказала она.

Лена подняла взгляд.

— Ты идёшь?

Лена посмотрела на завод. Потом на мост.

— Иду, — сказала она. — Но сначала мне нужна минута.

Она отошла к краю причала и достала телефон. Набрала редактора — три гудка, четыре, пять. Сброс. Набрала снова. То же самое.

Посмотрела на значок сети: одно деление, нестабильное.

Написала сообщение: *«Вороний Мыс. Завод на острове. Если не выйду на связь до вечера — звони в районную полицию Карелия, посёлок Вороний Мыс. Это не шутка.»*

Сообщение зависло со статусом «отправляется».

Она убрала телефон и вернулась к остальным.

— Готова.

На мост они вышли вчетвером — Максим впереди, Ранко сразу за ним, потом Лена, потом Марина.

Доски скрипели под ногами. Вода под настилом была тёмная, почти непрозрачная. По обе стороны моста из воды торчали старые сваи — часть сгнила, часть ушла под поверхность. Течение под мостом было едва заметным, но оно было.

На середине Максим снова почувствовал то же, что утром, — давление в груди, тяжесть воздуха. Он не останавливался. Шёл ровно, с той скоростью, которая позволяет нормально дышать.

— Там, — тихо сказала Лена за его спиной.

Он уже видел. В воротах завода — широких, распахнутых, с покорёженными металлическими створками — стояло что-то.

Нет. Не стояло. Висело. В полуметре над землёй, в тени ворот — тёмная масса, без чётких границ, без формы. Просто пятно тьмы, которое было темнее, чем тень вокруг него.

Максим остановился.

Пятно не двигалось.

Он смотрел на него шесть секунд — считал про себя — и за эти шесть секунд оно не сделало ничего. Просто было там.

Потом пятно исчезло. Не рассеялось, не ушло — просто перестало быть, как гаснет лампочка.

В воротах была тень. Просто тень.

— Вы видели? — спросил Ранко.

— Видел, — сказал Максим.

— Я видела, — сказала Лена.

— Я видела, — сказала Марина. Голос у неё был ровный, но Максим слышал, что она делает это намеренно.

Он стоял на мосту и думал. Профессионально думал — про риск, про ресурсы, про то, что он знает и чего не знает. Про Катю Снегирёву, которая написала «если что» и пошла туда одна.

— Идём, — сказал он.

— Туда? — спросила Лена. В её голосе не было страха — скорее уточнение. Она хотела убедиться, что правильно поняла.

— Туда.

Они пошли.

Завод встретил их запахом. Не гнилью, не сыростью — хотя и это тоже было. Что-то другое, нижним слоем: запах горелого металла, старый, слежавшийся, будто пожар случился десятилетия назад, а запах так никуда и не ушёл.

Ранко остановился у ворот и посмотрел на кладку стен.

— Тридцать первый год, — сказал он. — Силикатный кирпич, нестандартная кладка. Смотрите — швы разной толщины. Это значит, что строили быстро и с нарушениями. — Он говорил тихо, почти про себя, профессиональным тоном человека, который анализирует объект. Максим понял, что для архитектора это способ не думать о том, что они только что видели. Нормальная реакция.

— Планировка стандартная для лесопильного завода этого периода, — продолжал Ранко. — Центральный производственный корпус, два боковых склада, в северном углу должна быть котельная. Подвал — скорее всего под центральным корпусом, вход либо изнутри, либо снаружи с северной стороны.

— Подвал, — повторила Марина. — Именно там были «следы, не поддающиеся классификации».

— Да.

— Отлично, — сказала Лена без интонации.

Они вошли в ворота.

Центральный корпус был большим — метров тридцать в длину, высокий потолок, точнее то, что от него осталось: несколько прогнутых балок поперёк, небо между ними. Пол — бетонный, в трещинах, из которых проросла трава. Вдоль стен ржавые остатки станков, цепи, свисающие с балок, какой-то механизм на полу — большой, сложный, непонятного назначения. Всё покрыто слоем пыли и чего-то вроде плесени, только цвет у неё был чуть неправильным — слишком тёмным, почти чёрным.

Максим включил фонарик — он взял его из биостанции, заодно прихватил небольшую монтировку. Луч пробежал по стенам, полу, остаткам оборудования.

— Следов присутствия не вижу, — сказал он. — Свежих.

— Вот, — сказала Лена.

Она стояла у стены рядом с дальними воротами — второй выход из корпуса, ведущий на другую сторону острова. У основания стены что-то лежало.

Они подошли.

Рюкзак. Небольшой, туристический, зелёный. Расстёгнутый. Рядом — телефон, экраном вниз, разряженный. И один ботинок. Просто один — без пары, без видимой причины, почему он здесь.

Максим поднял рюкзак. Внутри — термос, фонарик, полевой блокнот. Он открыл блокнот. На последней исписанной странице был рисунок — быстрый, карандашом, явно сделанный здесь, в этом здании, при фонарике. Какая-то схема: прямоугольник, от него вниз линия, ещё прямоугольник, поменьше. Подвал и вход в подвал, понял Максим. И стрелка, показывающая куда-то в сторону северной стены.

Ниже — два слова, написанные крупнее остального, с нажимом:

НЕ ВХОДИТЬ

Максим смотрел на это несколько секунд.

— Это Катин рюкзак, — сказал он.

Никто не ответил. Все уже поняли.

— Она была здесь, — сказал он. — Нашла вход в подвал. И написала нам не входить.

— Нам? — тихо сказала Марина. — Она не знала, что мы придём.

— Кому-то. Себе. — Он опустил рюкзак. — Она написала это и потом всё равно вошла.

Тишина в здании была густой — не просто отсутствие звука, а что-то плотное, давящее на уши. Где-то высоко под остатками кровли каркнула птица и тут же замолчала.

— Нам нужно найти вход в подвал, — сказала Лена.

— Я знаю где, — сказал Ранко. — Северная стена. Я говорил.

— Идём?

Максим посмотрел на каждого по очереди. Марина — спокойная, сосредоточенная. Ранко — бледноватый, но держится. Лена — смотрит прямо, ждёт решения.

— Идём, — сказал он. — Держимся вместе. Если я говорю «назад» — разговоров нет, все идут назад сразу. Договорились?

Трое кивнули.

Они пошли к северной стене.

Вход в подвал нашёлся там, где Ранко и сказал — в углу, за ржавым остовом какого-то агрегата. Металлическая дверь, низкая, вровень с полом, с откидной ручкой. Без замка. Открытая — не нараспашку, но и не закрытая: щель сантиметров десять.

Из щели тянуло холодом. Не обычным подвальным холодом — чем-то более глубоким. И тем запахом — горелым металлом, старым пожаром — но здесь он был сильнее.

Максим наклонился, потянул дверь на себя. Она открылась без звука — петли смазаны, совсем недавно. Это было первое, что не вписывалось ни в какую логику заброшенного здания. Кто смазывал петли?

Вниз вели ступени — бетонные, узкие, крутые. Фонарик Максима осветил метра четыре вниз, потом темнота съедала луч.

Он светил вниз и слушал.

Тишина.

— Катя! — крикнул он в темноту.

Эхо. Больше ничего.

— Катя, если ты там — откликнись! Это Максим!

Тишина. Потом — и это услышали все четверо — откуда-то из темноты донёсся звук. Не голос. Не шаги. Что-то похожее на то, как оседает дерево в старом доме: медленный, глубокий скрип, будто что-то очень большое и очень тяжёлое сдвинулось с места там, внизу.

И сразу замолчало.

Максим стоял, не шевелясь, и считал секунды. Десять. Двадцать. Тишина.

— Она там, — сказал он.

— Ты не знаешь этого, — сказала Лена тихо.

— Нет. Но она там.

Он начал спускаться. Спиной вперёд — так безопаснее на крутых ступенях, и так лучше видно, что происходит снизу, когда ты спускаешься.

Марина взяла телефон, включила вспышку как второй фонарик.

Они начали спускаться.

И в этот момент — прямо в этот момент, пока они один за другим исчезали в проёме подвальной двери — на берегу, у начала моста, в кустах орешника, не шевелясь и не издавая ни звука, стоял Геннадий Крот.

Он стоял там уже сорок минут. Смотрел, как они собираются, разговаривают, идут на мост. Видел, как они заходят в ворота завода.

У него не было привычки торопиться. Он жил в этом лесу восемь лет и за восемь лет научился одному главному: всё само приходит к тому, кто умеет ждать.

Они зашли на остров.

Мост за ними пустой.

Крот вышел из кустов, не торопясь подошёл к мосту и тихо, аккуратно, вытащил из-за пояса кусок цепи с навесным замком.

Обмотал цепью основание перил у начала моста. Щёлкнул замком.

Это был не его замок. Он нашёл его три года назад у кого-то из тех, кто пришёл сюда и не ушёл. Ключ он давно выбросил — в озеро, с лодки, далеко от берега.

Он посмотрел на завод.

Потом повернулся и пошёл в лес — медленно, не оглядываясь.

На берегу у причала осталась Лера Антонова с ключами от «Патрола» в кармане, которая в этот момент заваривала чай в аптеке и смотрела на часы.

Через два часа она пойдёт к мосту.

Увидит замок.

И поймёт, что что-то пошло очень не так.

Глава 4. Подвал

Ступеней было семнадцать. Максим считал автоматически — привычка с гор, где каждый шаг имеет значение.

Подвал оказался больше, чем он ожидал. Низкий потолок — метра два, не выше — но площадь огромная, почти весь периметр центрального корпуса. Бетонные стены, бетонный пол, вдоль стен — металлические стеллажи с чем-то ржавым и неразличимым. Воздух здесь был другим. Не просто холодным — каким-то спрессованным, как будто его давно не меняли и он загустел.

Максим повёл фонариком по периметру.

— Катя!

Эхо побежало по стенам и вернулось обратно. Пустое.

— Большой, — сказал Ранко за его спиной. Он уже доставал телефон, пытался снимать — профессиональная реакция. — Метров двадцать на двадцать пять. Нестандартно для завода такого размера. Под производственным корпусом обычно делают меньше.

— Зачем такой большой подвал на лесопильне? — спросила Лена.

— Вот именно, — сказал Ранко.

Максим шёл вперёд, держа фонарик перед собой. Луч скользил по полу, стенам, стеллажам. На стеллажах — ящики, большинство сгнили, содержимое рассыпалось. Какие-то детали. Инструменты. На одной полке — стопка папок, разбухших от влаги, слипшихся.

Лена остановилась у стеллажа, осторожно взяла верхнюю папку, попыталась открыть. Страницы расползлись.

— Документы. Не прочитать.

— Дата есть?

Она посмотрела на обложку. Что-то карандашом, едва видимое.

— Сорок второй год.

Все остановились.

— Сорок второй, — повторила Марина. — Завод построили в тридцать первом. Значит, эти папки здесь одиннадцать лет пролежали до закрытия. И ещё тридцать лет после.

— Их не выбросили, — сказал Ранко. — Когда закрывали завод — не выбросили и не забрали. Оставили здесь.

— Потому что никто не хотел сюда возвращаться, — сказала Лена.

Никто с ней не спорил.

Максим шёл дальше вглубь. Подвал уходил прямо, без поворотов — длинный прямоугольник. В дальнем конце луч фонарика упёрся в стену. Максим повёл им вдоль — и остановился.

— Сюда.

В дальней стене была дверь. Не металлическая, как наверху, — деревянная, старая, с коваными петлями. Не советская и не заводская. Намного старше всего остального.

Она была закрыта. Не заперта — просто закрыта, на простую деревянную щеколду.

Они стояли перед ней вчетвером, и никто не говорил ничего, потому что дверь в подвале советского завода, которая старше самого завода, не требовала слов — она требовала решения.

— Откуда она здесь? — спросила Марина, не ожидая ответа.

— Они строили завод поверх чего-то, — сказал Ранко тихо. — Я уже об этом думал. Кладка стен наверху — нестандартная, швы разные. Они торопились. Но торопились не только они — фундамент здесь гораздо старше. Я заметил ещё снаружи. Камень в основании другой, дореволюционный. Может, ещё раньше.

— То есть под заводом что-то было до завода, — сказала Лена.

— Да.

— И эта дверь ведёт туда.

— Скорее всего.

Максим смотрел на дверь. Потом на пол перед ней.

— Смотрите, — сказал он и опустил фонарик вниз.

На пыльном бетонном полу перед дверью были следы. Не старые — свежие, сделанные совсем недавно. Подошвы небольшого размера, с характерным рифлением туристического ботинка.

Один ботинок. Правый.

Левый они нашли наверху, у рюкзака.

Максим выпрямился. Посмотрел на щеколду. Взялся за неё.

— Подождите, — сказала Марина.

— Что? — спросил Максим.

— Просто секунду. — Она смотрела на дверь. — Ермолаева сказала мне кое-что. Она сказала, что то, что там есть — оно умеет привлекать. Что оно ждёт, пока люди сами войдут.

Тишина.

— Ты думаешь, мы идём туда, потому что нас ведут? — спросила Лена.

— Я думаю, что Катя тоже думала, что идёт по своей воле.

Максим стоял с рукой на щеколде. Смотрел на Марину. Думал.

— Катя там, — сказал он. — Если она жива — она там. Это не обсуждается.

— Я знаю, — сказала Марина. — Я просто хотела, чтобы мы понимали, что делаем.

— Мы идём за человеком, — сказал он.

— Да.

Он открыл дверь.

За дверью была не комната. Был тоннель.

Узкий — плечи почти касались стен. Стены каменные, не бетонные — тёсанный гранит, такой старый, что камни потемнели до черноты и покрылись чем-то похожим на лишайник, только без зелёного оттенка. Пол тоже каменный, слегка наклонённый вниз. Потолок низкий — Максим шёл чуть пригнув голову.

Вперёд. Метров двадцать — двадцать пять. Потом поворот.

Максим шёл первым, фонарик в правой руке, монтировка в левой. За ним Ранко со вспышкой телефона. Потом Лена. Потом Марина.

Никто не говорил. Тоннель не располагал к разговорам.

Запах здесь был сильнее. Тот же горелый металл, но под ним что-то ещё — земляное, влажное, очень старое. Максим дышал через нос, ровно, и думал о том, что тоннель явно не советский и не дореволюционный. Это было что-то значительно старше.

На повороте он остановился. Прислушался.

Где-то впереди — не звук, а его отсутствие. Такое абсолютное, что оно само по себе становилось чем-то.

Он завернул за угол.

Тоннель заканчивался проёмом — широким, без двери. Максим встал у края и поднял фонарик.

Пещера.

Натуральная, не рукотворная — неровные стены, сводчатый потолок метра четыре высотой. Размером примерно с большую комнату. По стенам — древние факельные держатели, проржавевшие до состояния хлопьев. На полу в центре — что-то вроде алтаря, но не в религиозном смысле: просто большой плоский камень, поставленный горизонтально на два мень-

ших. Очень старый. На поверхности — выбитые знаки, которых Максим не мог прочитать и не пытался.

И у дальней стены, скрученная в углу, с коленями к груди — Катя Снегирёва.

Живая. Максим увидел это сразу — грудь поднималась и опускалась. Просто без сознания, или спала, или что-то среднее.

— Катя. — Он пересёк пещеру в несколько шагов, опустился рядом. — Катя, это Максим. Она не реагировала. Он взял её за плечо, осторожно потряс.

Ничего.

— Катя!

Она открыла глаза.

Посмотрела на него — сквозь него, мимо него, куда-то за его спину — и Максим почувствовал, как что-то холодное прошло по затылку. Не потому что её взгляд был безумным. Потому что он был совершенно спокойным. Пустым. Как у человека, который смотрит на стену.

— Катя. Смотри на меня. Это Максим, ты меня знаешь.

Медленно — очень медленно — её взгляд сфокусировался. Пустота схлопнулась, и за ней появилось что-то живое. Узнавание. Потом страх — настоящий, острый, не тот пустой покой, что был секунду назад.

— Максим. — Голос хриплый, сухой. — Уходите. Уходите сейчас.

— Ты можешь встать?

— Уходите, — повторила она. — Вы не должны были сюда приходить.

— Сколько ты здесь?

— Я не... не знаю. — Она попыталась сесть. Максим помог. — Я зашла вчера утром. Или позавчера. Я не знаю.

— Два дня.

— Мне казалось — несколько часов.

Лена присела рядом. Достала воду из кармана — маленькая бутылка, взяла из рюкзака Кати наверху. Протянула. Катя взяла, сделала несколько глотков.

— Что здесь произошло? — спросила Лена.

— Я вошла. — Катя говорила медленно, как человек, который пытается восстановить последовательность. — Нашла тоннель. Пошла. Это место — оно как будто тянет. Я не чувствовала страха. Совсем. Это было самое странное — я шла и не боялась, хотя надо было. — Она помолчала. — Потом вошла сюда. И всё.

— Что всё?

— Просто всё. Я села. И больше не хотела никуда идти. Просто сидела. — Она посмотрела на свои руки. — Это было хорошо. Страшно хорошо, понимаете? Не больно, не страшно — просто очень спокойно. Я не хотела уходить.

Марина слушала это с выражением человека, который именно это и ожидал услышать.

— Но ты не ела и не пила два дня, — сказал Максим.

— Мне не хотелось. Совсем не хотелось.

— Катя, вставай. Мы уходим.

— Максим. — Она схватила его за руку. Сильно — сильнее, чем он ожидал от человека, который просидел двое суток без еды и воды. — Оно знает, что вы здесь. Оно всегда знает. Когда кто-то входит — оно знает.

— Что оно?

Она посмотрела на него. Потом обвела взглядом пещеру.

— Я не видела ничего, — сказала она. — Совсем ничего. Но я чувствовала. Всё время. Оно здесь. Оно всегда здесь.

Максим встал, помог ей подняться. Ноги у неё не держали — он взял её под руку.

— Ранко, — сказал он, — выход помнишь?

— Да.

— Веди. Идём.

И в этот момент фонарик мигнул.

Один раз. Потом снова — длиннее. Потом погас.

Максим ударил по корпусу. Ничего. Потряс. Ничего. Батарейки он проверял утром — новые, полные.

В пещере осталось только два пятна света — телефонны Ранко и Марины.

— Телефоны, — быстро сказал Максим, — экономим. Один включён, один в резерве.

Ранко убрал в карман, оставил Марину.

И тогда они все увидели.

Не сразу. Сначала Максим подумал, что глаза адаптируются к темноте. Потом понял, что это не адаптация.

В пещере появился свет. Не снаружи, не из тоннеля — изнутри, от стен. Очень слабый, почти неразличимый — тёмно-багровый, такой же, как тот, что Лена видела ночью из окна. Он не освещал ничего — просто был, как свечение гнилого дерева в темноте. Пульсировал. Медленно, ритмично.

Как дыхание.

— Уходим, — сказал Максим. Не крикнул — сказал, ровно. — Сейчас. Все.

Он не ждал ответа. Взял Катю, двинулся к тоннелю.

Они шли быстро — насколько позволяла ширина прохода. Максим с Катей, за ними Ранко, Лена, Марина. Марина шла последней и держала телефон так, чтобы свет падал вперёд — на спины остальных, чтобы никто не потерялся.

На повороте тоннеля она оглянулась.

Потом пожалела, что оглянулась.

Потому что в пещере — там, откуда они только что ушли, у того самого угла, где сидела Катя — что-то стояло. Не тёмное пятно, как на мосту. Что-то с формой. Высокое — почти до потолка, слишком высокое для пещеры с четырёхметровым сводом, и это само по себе было неправильно. Без деталей, без лица, без конечностей — просто форма, как силуэт человека, который был растянут вверх и немного в стороны, как отражение в кривом зеркале.

Оно стояло неподвижно.

Не двигалось за ними.

Просто смотрело — Марина не могла объяснить, откуда знала, что оно смотрит, если у него не было глаз. Просто знала.

Она отвернулась и пошла быстрее.

Из подвала они вышли все пятеро — считая Катю. Поднялись по семнадцати ступеням, прошли через подвал, выбрались в центральный корпус.

Здесь было светло — серое карельское небо в прорехах кровли. Никогда раньше Максим не думал, что облачное небо может выглядеть хорошо.

Катя шла сама, но шатко. Лена держала её с одной стороны, Максим с другой.

— Нам надо убираться с острова, — сказал Ранко.

— Согласен, — сказал Максим.

Они пошли к воротам, через двор, к мосту.

Максим увидел это первым — потому что смотрел вперёд, а не под ноги.

Цепь. Навесной замок. Мост заперт с берега.

Он остановился. Остальные остановились за ним.

Лена посмотрела на замок. Потом на берег — пустой, никого. Потом на замок снова.

— Кто это сделал? — спросила она.

Максим смотрел на цепь. Толстая, новая — не нашли здесь, принесли с собой. Замок хороший, не откроешь монтировкой без риска сломать петлю.

— Не знаю, — сказал он. — Но это человек.

— Это точно не то, что в подвале, — сказала Марина.

— Точно нет. То, что в подвале, не ходит на берег с замками.

Катя смотрела на цепь. Что-то изменилось в её лице — страх, который пришёл, когда она проснулась, стал другим. Конкретным.

— Крот, — сказала она тихо.

Все посмотрели на неё.

— Геннадий Крот. Местный. Бывший лесник. — Она сглотнула. — Он приходил на био-станцию три раза, пока я работала. Просто стоял у забора и смотрел. Я спросила у местных — они сказали не обращать внимания. — Она помолчала. — Я должна была включить это в отчёт. Не включила. Думала — просто странный человек.

— Он живёт здесь? — спросил Максим.

— В лесу. За северной окраиной. Никто точно не знает где.

Максим смотрел на лес — за домами посёлка, плотный, тёмный. Потом на замок. Потом на воду вокруг острова.

— Лодка, — сказал он.

— Что?

— У причала была лодка. Одна, старая, но была.

Он уже разворачивался.

— Нам нужно переправиться через пролив. С острова есть другой берег — северный, там лес, но мы выйдем не к мосту. Если лодки нет — плывём. Вода холодная, но пролив узкий.

— Катя не доплывёт, — сказала Лена.

— Знаю. Поэтому — лодка.

— А если лодки нет?

Максим посмотрел на неё.

— Тогда плывём и держим её вдвоём.

Он пошёл к северному берегу острова — там, где пролив огибал остров с другой стороны. Все двинулись за ним.

За их спинами завод стоял тихо.

На его стенах в дневном сером свете не было никакого свечения. Не было никакого движения в пустых оконных проёмах.

Просто старые руины.

Просто мёртвый завод.

Но Марина, шедшая последней и снова — в последний раз — обернувшись, успела увидеть кое-что.

В крайнем оконном проёме правого корпуса — том самом, что смотрел на берег, на причал, на посёлок — что-то стояло.

Очень тихо.

Смотрело вслед.

На берегу у аптеки Лера Антонова посмотрела на часы в третий раз за полчаса.

Два часа истекли семь минут назад.

Она взяла ключи от «Патрола», куртку, аптечку — собрала автоматически, потому что не знала, зачем, но не идти с пустыми руками казалось неразумным — и пошла к мосту.

Увидела цепь.

Остановилась.

Смотрела на замок долго — секунд двадцать, пока не убедилась, что это действительно замок и это действительно серьёзно.

Потом достала телефон и набрала 112.

Два гудка. Три.

— Служба спасения, слушаю.

— Говорит Антонова Валерия, я в посёлке Вороний Мыс, Карелия. У меня четыре человека на острове, мост заперт снаружи неизвестным лицом. Среди них одна пострадавшая, возможно нуждается в медицинской помощи. Прошу выслать полицию.

Пауза.

— Как называется остров?

— Не знаю. Тут один остров. На нём заброшенный завод. Вороний Мыс, Карелия, больше я ничего не знаю.

— Ожидайте, соединяю с районным отделом.

Лера стояла у моста с телефоном у уха, смотрела на замок и думала: районный отдел — семьдесят километров. По карельской дороге — полтора часа минимум.

До темноты оставалось четыре часа.

Она надеялась, что этого хватит.

Глава 5. Северный берег

Лодка была.

Максим нашёл её на северном берегу острова — вытащенную на камни, перевёрнутую, накрытую куском брезента, который успел врасти в берег по краям. Старая, деревянная, с облупившейся краской. Он перевернул её, осмотрел дно — три трещины, но неглубокие, смола засохшая, но держит.

— Поплывём? — спросила Лена.

— Поплывём, — сказал он. — Медленно и близко к берегу. Если начнёт набирать — успеем доплыть руками.

Вёсел не было. Максим прошёлся по берегу, нашёл две широкие доски у кромки воды — обломки чего-то старого, почти гнилые, но в руках держатся.

— Сойдёт, — сказал он.

Катя сидела на камнях и пила воду маленькими глотками. Лена сидела рядом и смотрела на неё с выражением, которое Максим уже научился читать — не тревога, а оценка. Медицинский взгляд без медицинского образования.

— Как она? — спросил он тихо.

— Обезвожена. Руки холодные, пульс нормальный. В воду её лучше не пускать.

— Я и не собираюсь. — Он посмотрел на пролив с северной стороны. Здесь он был шире, чем у моста, — метров сто двадцать, может, сто тридцать. Течение почти не чувствовалось. — Ранко, помогай спускать.

Они вдвоём потащили лодку к воде. Дерево было тяжёлым от влаги. Марина зашла с другой стороны, помогла.

Лодка коснулась воды. Максим придержал её, проверил, как сидит. Трещины пока держали.

— Садимся. Катю первой, в центр. Ранко, на нос. Лена — за Катей. Марина, ты со мной на вёслах.

— Я никогда не гребла досками, — сказала Марина.

— Сейчас научишься.

Они загрузились. Лодка осела, но не критично. Максим оттолкнулся от берега.

Он смотрел на воду под ногами — сквозь щели в досках просачивалась вода, тонкой нитью. Норма. Пока норма.

Они гребли — неловко, несинхронно — и лодка медленно двигалась поперёк пролива. Остров уходил назад. Впереди открывался берег — каменистый, заросший, без причала, без домов. Лес начинался почти от воды.

На середине пролива Максим почувствовал, как что-то изменилось.

Не в лодке — в воде. Под лодкой. Как будто что-то большое и медленное прошло ниже, в глубине — он не видел ничего, просто почувствовал, как вода под веслом стала другой на долю секунды. Тяжелее. Как будто приобрела направление, которого раньше не было.

Он не сказал ничего. Стал грести быстрее.

Марина почувствовала тоже — он понял по тому, как она изменила темп, не спрашивая.

Лодка набирала воду — быстрее, чем в начале. Уже не нитью, а тонкой струйкой по левому борту.

— Быстрее, — сказал он негромко.

Никто не спросил почему.

Они гребли. Берег приближался — медленно, слишком медленно. Вода у ног Кати уже покрывала подошвы ботинок. Лена переставила ноги, подтянула Катю выше.

Двадцать метров до берега.

Пятнадцать.

Десять — и лодка ощутимо просела, Максим почувствовал, как она стала мягкой под ногами, как будто доски начали расходиться.

— Прыгаем, — сказал он. — Все — в воду, до берега доплывём, здесь мелко.

— Катя... — начала Лена.

— Я беру Катю. Прыгаем.

Он не ждал. Встал, поднял Катю — она не сопротивлялась, только вцепилась в его куртку — и шагнул за борт.

Вода ударила холодом. Максим не думал о холоде — думал о направлении. Семь метров, восемь — нога коснулась камня, ещё шаг, ещё. Он тащил Катю вперёд, она пыталась помогать, но ноги у неё не слушались.

Сзади — всплески. Остальные.

Берег. Камни под ногами стали твёрдыми, он вытащил Катю на сушу, оглянулся.

Марина уже выходила из воды. За ней Ранко — по грудь, потом по пояс, потом на берегу. Лена — последней, вся мокрая, с аптечкой Кати, которую каким-то образом удержала над водой.

Лодка за ними медленно уходила под воду — без драматизма, просто тихо оседала и исчезала.

Максим смотрел на неё секунду. Потом повернулся к берегу.

— Все живы?

— Все, — сказала Марина. У неё зуб на зуб не попадал.

— Идём. Надо двигаться — не замёрзнете.

Они шли через лес — мокрые, молчаливые, быстро. Максим знал, что переохлаждение начинается не от воды, а от того, что человек останавливается. Пока движение — тепло. Катя шла сама, держась за его плечо.

Лес здесь был густой, с низким подлеском. Под ногами — мокрый мох, корни, скользкие камни. Максим вёл по азимуту, без компаса — по положению солнца, которое едва пробивалось сквозь облака, по наклону рельефа. Посёлок должен быть к юго-востоку. Минут двадцать ходьбы, может, двадцать пять.

Ранко шёл рядом с ним. Молчал — умно, нечего говорить в лесу на ходу. Но Максим видел, что он что-то обдумывает.

— Скажи, — сказал Ранко наконец.

— Что?

— Ты видел что-нибудь. В воде. Когда гребли.

Максим не ответил сразу. Потом сказал:

— Нет.

— Я тоже нет, — сказал Ранко. — Но я чувствовал.

— Знаю.

— Это было то же самое, что на мосту. И в пещере.

— Знаю.

— Максим. — Ранко понизил голос. — Это ведь не заканчивается на заводе, да? Оно не привязано к зданию.

Максим шёл. Думал.

— Не знаю, — сказал он наконец. — Но я знаю, что нам надо убираться из этого посёлка. Сегодня.

— А мост?

— Есть дорога. Семьдесят километров до района. На машине.

— Лера позвонит в полицию.

— Значит, скоро приедут. — Он посмотрел на небо — серое, низкое, но пока без дождя. — Главное — не в лесу их ждать.

Они шли ещё минут пятнадцать, прежде чем деревья начали редеть. Максим увидел про-свет — крыши домов, серые, знакомые. Посёлок.

Он ускорился.

Лера увидела их первой — она стояла у крайнего дома с телефоном и смотрела в сторону леса с тем видом, который бывает у людей, которые ждут и не знают, хорошее или плохое сейчас выйдет из-за деревьев.

Вышло хорошее. Пятеро, все живые, мокрые.

Она убрала телефон и пошла навстречу.

— Полиция едет, — сказала она. — Час, может, полтора. — Потом посмотрела на Катю. — Это она?

— Она, — сказал Максим. — Два дня без воды и еды. Переохлаждения пока нет, но...

— Я вижу. — Лера уже доставала аптечку. — Мне нужно помещение. Тёплое.

— Биостанция, — сказал Максим. — Ключ у меня.

Они пошли к биостанции — все шестеро теперь, компания, которая час назад была пятью незнакомыми людьми.

Биостанция была тёплой — Максим не выключал обогреватель, когда уходил. Катю уло-жили на диван, Лера сразу занялась ею — деловито, без лишних движений. Остальные сни-мали мокрое, Максим нашёл в шкафу запасные свитера Кати — два, делить пришлось.

Ранко достал из рюкзака сухую футболку — он каким-то образом умудрился держать рюкзак над водой при прыжке. Лена взяла один свитер, Марина другой.

Максим остался в мокрой куртке. Снял её, повесил на стул у обогревателя. Встал у окна.

Отсюда был виден лес. Северная окраина, сразу за последними огородами — плотная стена сосен. За ней, по словам Кати, где-то жил Геннадий Крот.

— Расскажи про него подробнее, — сказал он Кате.

Лера подняла взгляд — дескать, не сейчас. Максим покачал головой.

— Надо знать. Пока едет полиция.

Катя лежала, укрытая до подбородка чем-то из шкафа — старым пуховиком. Выглядела лучше, чем десять минут назад. Тепло и вода делали своё дело.

— Крот появился здесь лет восемь назад, — сказала она. — Местные говорят — приехал ниоткуда. Сначала жил в посёлке, потом ушёл в лес. Иногда заходит в магазин — молча, берёт что нужно, уходит. Никто с ним не разговаривает. Я спрашивала у Галины Фёдоровны — она сказала, что он опасный, но по-другому. Что он не трогает местных. Только чужих.

— Пропавшие туристы, — сказала Лена.

— Я не знаю. Может быть. Может, нет. — Катя помолчала. — Я боялась его. Не сильно, но боялась. Он смотрел так, будто уже принял какое-то решение.

— Он запер мост, — сказал Максим. — Значит, видел, как мы идём на остров. И подо-ждал, пока мы зайдём.

— Зачем? — спросил Ранко.

Никто не ответил, потому что ответ был очевидным и неприятным.

— Он хотел, чтобы мы остались там, — сказала Марина.

— Да.

— Вместе с тем, что в заводе.

Тишина.

— Они не связаны, — сказала Лена. — Крот и завод. Я имею в виду — они не действуют вместе. Это два разных источника.

— Откуда ты знаешь? — спросила Марина.

— Потому что то, что в заводе, не нуждается в помощнике. Если бы оно хотело запира́ть мост — оно бы запи́рало само мост. Не давало бы людям уйти. А оно — даёт. Оно ждёт, пока люди сами придут. Крот и то, что в заводе, — разные проблемы, которые случайно оказались в одном месте.

Максим посмотрел на неё. Для человека, который пришёл сюда торговать таблетками, она думала на удивление ясно.

— Согласен, — сказал он. — Крот — человек. С человеком я знаю, что делать.

— А с тем, что не человек? — спросил Ранко.

— Этим пусть занимается кто-нибудь другой, — сказал Максим. — Наша задача — выбраться отсюда живыми. Не победить. Выбраться.

Никто не возражал.

Катя заснула — Лера дала ей что-то лёгкое из аптечного запаса, просто чтобы тело отдохнуло без тревоги. Дыхание выровнялось, лицо расслабилось. Лера убрала аптечку и вышла в соседнюю комнату, где остальные сидели вокруг стола.

— Час примерно есть, — сказала она, садясь. — Пока полиция едет. Что делаем?

— Ждём, — сказал Максим.

— Просто ждём?

— Нет. — Он посмотрел на окно. — Я хочу понять, где Крот. Если он запер мост и видел, что мы ушли через лес — он знает, что мы на берегу. Он не ждёт.

— Думаешь, он придёт сюда? — спросила Марина.

— Он восемь лет живёт в этом лесу. Он знает каждый дом. — Максим встал. — Мне нужно выйти на пять минут. Посмотреть на периметр.

— Один? — спросила Лена.

— Одному проще не шуметь.

— Максим. — Марина говорила ровно, без паники, но он слышал в её голосе то, что она не формулировала вслух. — Мы только что вышли с острова, где нас чуть не закрыли. Если ты уйдёшь и не вернёшься — у нас нет никого, кто умеет действовать в такой ситуации.

Он смотрел на неё.

— Десять минут, — сказал он. — Если не вернулся — садитесь в машину и едете в сторону района. Не ждёте.

— А Катя?

— Грузите Катю. Она дойдёт до машины.

Он взял монтировку и вышел.

Снаружи было тихо. Серое небо, влажный воздух, запах хвои. Посёлок выглядел пустым — ни одного человека на улице. Либо все по домам, либо — и это казалось Максиму точнее — местные умели чувствовать, когда лучше не выходить.

Он обошёл биостанцию по периметру. Ничего. Потом прошёл вдоль забора к северной стороне, откуда начинался лес.

Остановился.

Смотрел на лес минуту. Потом ещё одну.

Лес смотрел в ответ.

Максим за годы работы в тайге научился чувствовать, когда лес живой и когда — нет. Живой лес шевелится — птицы, белки, мыши в подлеске. Мёртвый лес стоит. Этот лес стоял.

Кто-то там был. Человек. Не зверь — звери не дают тишиной так методично.

Максим не двигался. Смотрел. Ждал.

Ничего не произошло.

Он вернулся к биостанции, зашёл, закрыл дверь на засов.

— Он там, — сказал он.

— В лесу? — спросила Лена.

— Да. Стоит и смотрит. — Он сел. — Пока не заходит.

— Почему?

— Не знаю. Может, ждёт темноты. — Он посмотрел на часы. — Полиция должна успеть.

— Должна, — сказала Лера.

Они сидели. За окном лес стоял тихо.

Катя спала в соседней комнате ровно и спокойно.

Где-то за семьдесят километров по разбитой карельской дороге ехал полицейский «УАЗ» — Лера звонила дважды, уточняла время, её заверили: едут.

Всё было под контролем.

Именно тогда погас свет.

Не моргнул, не замигал — просто щёлкнул и погас. Разом. Обогреватель замолчал. Холодильник на кухне умер. Всё электрическое в здании стало мёртвым в одну секунду.

Максим встал раньше, чем кто-то успел что-то сказать.

— Телефоны, — сказал он. — Фонарики. Проверить заряд.

Щелчки, вспышки. Лена — шестьдесят два процента. Ранко — тридцать восемь. Марина — семьдесят один. Лера — девяносто четыре, она заряжала с утра.

— Хорошо, — сказал Максим.

— Это он сделал? — спросил Ранко. — Крот?

— Рубильник где-нибудь снаружи. Или провод перерезал. Думаю, он.

— Зачем? — спросила Лена. Хотя, кажется, уже знала.

— Чтобы мы сидели в темноте, — сказала Марина. — И боялись.

— Или чтобы Катя не могла согреться, — сказала Лера. Это прозвучало тихо, но Максим понял, что она имеет в виду. Без обогревателя — плохо. Для человека в состоянии Кати — очень плохо.

— Тогда уходим сейчас, — сказал он. — Не ждём полицию. Катю в машину, едем навстречу.

— Крот в лесу, — напомнила Марина.

— Между лесом и машиной — двадцать метров открытого пространства. — Максим говорил быстро, чётко. — Мы идём все вместе, быстро. Он один, нас шестеро. Он не нападёт на шестерых на открытом пространстве.

— Ты уверен?

— Нет, — сказал он. — Но это лучший вариант из того, что есть.

Лена уже шла в соседнюю комнату — будить Катю. Лера собирала аптечку. Ранко застёгивал рюкзак.

Марина стояла у окна — того, что смотрело на север, на лес.

— Максим, — сказала она тихо.

Он подошёл.

Посмотрел в окно.

На опушке леса, там, где сосны кончались и начиналось пространство между деревьями и огородами, стоял человек. Просто стоял. Неподвижно, в темноте под деревьями. Без фонарика. Смотрел на биостанцию.

Максим смотрел на него.

Человек не двигался.

— Идём, — сказал Максим. — Сейчас.

Он развернулся от окна, и они начали собираться — быстро, молча, как люди, которые уже договорились о главном и теперь просто делают то, что надо делать.

За окном человек на опушке не двигался.
Ждал.
Но они уже не смотрели в окно.

Глава 6. Двадцать метров

Они вышли через заднюю дверь.

Максим принял это решение за тридцать секунд до выхода — сказал коротко: «Задняя дверь, не передняя, он ждёт с севера», — и никто не стал спорить. Задняя дверь выходила на огород, огород упирался в переулок, переулок вёл к главной улице, машина стояла на главной улице у магазина. Не двадцать метров — метров семьдесят, но по другой стороне от леса.

Катя шла сама. Лена держала её под руку, но та переставляла ноги нормально — сон и тепло сделали своё дело, хотя бы частично.

Они вышли в огород гуськом — Максим первым, потом Лера с аптечкой, Катя с Леной, Марина, Ранко замыкающим. Максим велел телефоны не светить — пока не надо.

Небо было серым, низким, давало ровно столько света, чтобы не спотыкаться о грядки.

Они шли через огород молча, по одному, и Максим считал секунды — десять, пятнадцать, двадцать. Переулок был пустой. Главная улица — пустая. Магазин с тёмными окнами. «Патрол» стоит там, где он его оставил.

Он почти выдохнул.

Почти — потому что в этот момент Ранко сзади тихо сказал:

— Максим.

Он обернулся.

Ранко стоял у выхода из переулка и смотрел в сторону. Максим проследил за его взглядом.

По главной улице — от северного конца, неторопливо, совершенно спокойно — шёл человек.

Рослый, широкий в плечах, в тёмной куртке, в резиновых сапогах. Лица не видно — далеко, темно. Но походка была особенная: не быстрая, не крадущаяся — медленная, с каким-то хозяйским достоинством, как у человека, который идёт по своей земле и никуда не торопится, потому что знает: никуда ты не денешься.

Машина стояла между ними и этим человеком.

Максим оценил расстояние. Человек был метрах в восьмидесяти. «Патрол» — метрах в двадцати пяти от них. Если бежать — они доберутся до машины раньше.

— Бегом, — сказал он. — Все. Сейчас.

Он не ждал. Пошёл первым — не к машине, а наперехват, чтобы остальные бежали за его спиной и он был между ними и этим человеком. Лера уже тянула Катю за руку, Лена с другой стороны, они бежали. Ранко бежал. Марина.

Человек на улице остановился.

Смотрел.

Не бежал следом. Просто стоял и смотрел.

Максим добрался до «Патрола» первым, дёрнул дверь — открыто, он не запирает, — распахнул заднюю дверь:

— Катю внутрь. Быстро.

Лера и Лена загрузили Катю на заднее сиденье. Марина прыгнула следом. Ранко — на переднее пассажирское.

Максим сел за руль, ключи в замок.

Двигатель завёлся с первого раза — хороший знак. Максим не смотрел на человека на улице. Смотрел на дорогу.

— Все внутри?

— Все, — сказала Лера с заднего.

Он дал задний ход, вывернул, поставил на первую и поехал — к выезду из посёлка, в сторону грунтовки, в сторону семидесяти километров до района.

В зеркало он видел человека на улице — тот так и стоял, не двигался, смотрел вслед. Потом посёлок скрылся за поворотом.

— Едем, — сказал Максим, и в этом слове было всё, что он не говорил последние несколько часов.

В машине молчали. Катя дышала ровно. За окнами — лес, лес, лес, серый и бесконечный, как обои.

Максим вёл и не думал ни о чём, кроме дороги.

Они проехали четыре километра, когда дорога кончилась.

Не кончилась — была перекрыта. Поперёк грунтовки лежало дерево — большая сосна, упавшая, или положенная, Максим не разбирался сейчас в причинах. Ствол метра три в диаметре, ветки в обе стороны от дороги уходят в лес, не объехать.

Он остановил машину. Посветил фарами.

Дерево было спилено. У основания — ровный срез, характерный для бензопилы. Свежий, светлый, не успел потемнеть.

— Он знал, что мы поедem, — сказала Лена.

— Он подготовился заранее, — сказал Максим.

— Когда? Он только что стоял на улице.

— Заранее — значит не сегодня. — Максим смотрел на дерево. — Он делает это не первый раз.

Тишина в машине стала другой.

— Он делал это с другими, — сказала Марина тихо. — С теми, кто приезжал раньше.

— Возможно.

— И они не уехали.

Максим не ответил. Ответ был очевиден.

— Что делаем? — спросил Ранко.

Максим думал. Объехать нельзя — лес с обеих сторон вплотную, кювет глубокий. Убрать дерево — вдвоём с Ранко, может, час работы, если найти инструмент. Вернуться в посёлок — туда, где остался Крот.

— Телефон, — сказал он. — Лера, ты звонила в полицию. Они едут — значит, едут по этой дороге. Значит, упрутся в это дерево.

— Или у них другой маршрут, — сказала Лера.

— Позвони. Скажи про дерево. Пусть едут, не останавливаются — и пусть берут пилу.

Лера достала телефон, набрала. Ждала. Максим слышал гудки в тишине машины — один, два, три.

— Не берут, — сказала она.

— Набери снова.

Снова гудки. Потом — механический голос: «Абонент недоступен».

Лера посмотрела на Максима.

— Сеть? — спросила Марина.

Лера посмотрела на значок в углу экрана.

— Нет сети, — сказала она.

Максим взял свой телефон. Проверил. Ноль делений.

— Ранко.

— У меня тоже, — сказал Ранко, не дожидаясь вопроса.

Они сидели в машине посреди карельского леса, в четырёх километрах от посёлка, куда возвращаться не хотелось, и в шестидесяти шести километрах от района, куда ехать было нельзя.

— Вышку мог повредить, — сказал Максим. — Или провода. Он знает этот лес.

— Он знает этот лес восемь лет, — сказала Катя с заднего сиденья. Голос у неё был слабый, но ровный. — Он знает здесь всё. Каждую тропу. Каждый дом. — Она помолчала. — Это его территория. Он так к ней относится.

— Тогда нам нужна его территория, — сказал Максим.

— Что? — спросила Лена.

— Нам нужно место, которое он считает своим и куда не пойдёт.

— Такое место есть?

Катя молчала секунду.

— Завод, — сказала она.

Все замолчали.

— Он запер нас на острове, — сказал Ранко. — Он сам туда не пошёл. Он ждал снаружи.

— Потому что он боится, — сказала Марина. — Он восемь лет живёт рядом с этим местом. Он знает, что там есть. Он не заходит.

— Значит, если мы на острове — он не придёт.

— Но там то, что в подвале, — сказала Лера.

— Которое не выходит за пределы завода, — сказал Максим. — Мы видели это. На берегу нас ничего не тронуло. На мосту — ничего. Оно внутри.

— Ты хочешь провести ночь на острове? — спросила Лена.

— Я хочу провести ночь там, где Крот не придёт, — сказал Максим. — Остров — единственное такое место.

Молчание было долгим. Максим не торопил.

— Мост заперт, — сказал Ранко наконец.

— Лодка утонула, — сказала Марина.

— Есть другие лодки, — сказал Максим. — У рыбаков. У причала видел ещё одну, под навесом. И мост — цепь можно снять изнутри, если мы на острове.

— Максим, — сказала Марина. — Там что-то живёт. Там Катя просидела двое суток и не хотела уходить. Там что-то стояло в пещере.

— Знаю.

— И ты всё равно предлагаешь туда вернуться.

— Я предлагаю выбирать между двумя плохими вариантами, — сказал он. — Крот — это человек с инструментами, который готовился. Завод — это что-то, от чего можно держаться на расстоянии. Мы знаем, что оно не выходит. Мы не знаем, что делает Крот.

— Ты правда думаешь, что этот Крот так опасен? — подал голос Ранко. — Нас шесть человек. Может быть, его не пугают девушки, но нас двое мужчин. Мы сильнее.

Максим чуть помолчал.

— Я бы не опасался, если бы это был человек, которого мы просто встретили на улице. Но он живет здесь. Катя сказала, что знает местность. Готовится. Возможно, пропавшие люди — это его рук дело. Ты сам видел, что он не нападает на нас прямо. Но кто знает, какие он тут расставил ловушки? Останемся в деревне на ночь и можем попасться.

Лена смотрела в окно. Катя смотрела в потолок. Лера смотрела на Максима.

— Полиция едет, — сказала Лера. — Они поедут по этой дороге. Упрутся в дерево. Выйдут из машины. И что?

— И ничего, — сказал Максим. — Им придётся идти пешком. — Он помолчал. — Или у них будет пила.

— Часа через три они доберутся до посёлка, — сказала Лера. — Максимум четыре. И всё закончится.

— Если Крот не встретит нас раньше.

Тишина.

— Нам нужно оставить им сигнал, — сказала Лена вдруг. — Что-то у дерева. Чтобы они знали — мы живы, мы на острове, пусть идут туда.

— Что?

Она уже рылась в рюкзаке. Вытащила блокнот, вырвала страницу. Нашла ручку. Написала крупно, в несколько строк. Показала Максиму.

«Полиция — мы на острове (завод). Нас 6 человек. Мост — цепь на замке, ищите лодку. Угроза — человек в лесу, Крот. Торопитесь. Дракова Е.»

Максим прочитал. Кивнул.

— Привяжи к ветке. На уровне глаз.

Лена вышла из машины. Максим вышел вместе с ней — не отпускать людей в одиночку, это он решил для себя ещё в подвале.

Они вместе подошли к дереву. Лена привязала записку куском шнура от рюкзака — крепко, к нижней ветке, на виду. Максим смотрел на лес по сторонам.

Тихо.

Они вернулись к машине.

— Едем обратно, — сказал Максим.

Посёлок встретил их так же, как первый раз — пустой улицей и тишиной. Человека, которого они видели, уже не было. Либо ушёл в лес, либо где-то ждал — Максим не знал, и это его не устраивало.

Он поставил машину у причала.

Лодка под навесом была на месте — старше той, что утонула, с вёслами, привязанными к банке верёвкой. Он проверил дно — цело. Вёсла есть. Нормально.

— Грузимся, — сказал он.

— Катя сможет? — спросила Лера.

Катя уже выходила из машины.

— Смогу, — сказала она. — Я лучше, чем час назад.

Лера смотрела на неё секунду. Потом кивнула.

Они спустили лодку, загрузились — на этот раз Максим посадил Катю и Лёну на корму, взял вёсла сам, остальные рассредоточились по бортам. Лодка была больше предыдущей, сидела хорошо.

Максим грёб, смотрел на берег.

На берегу — никого. Посёлок, тёмные дома, лес за ними. Где-то там Крот.

Он грёб ровно, сильно, без спешки. Пролив у моста был узким — метров восемьдесят. Лодка шла быстро.

Никто не смотрел на завод, пока не причалили.

Первой посмотрела Марина — потому что стояла на носу и смотрела вперёд.

— Максим, — сказала она.

— Вижу.

Ворота завода были открыты. Точно так же, как когда они уходили. Тёмный проём, ржавые створки.

Ничего в воротах. Просто ворота.

— Заходим во двор, — сказал он. — Не в здание. Двор, северный угол — там стена глухая, хороший обзор на мост и на весь двор. Ждём там.

— До чего ждём? — спросил Ранко.

— До полиции. Или до рассвета. Что раньше.

Они вышли из лодки на каменистый берег острова. Максим вытащил лодку на берег, перевернул — на случай, если вдруг понадобится снова и быстро. Привязал верёвкой к торчащему из земли штырю.

Потом он подошёл к мосту с островной стороны.

Цепь была намотана на перила с берегового конца. С островной стороны — просто старая щеколда, деревянная, вбитая в перила. Он откинул её.

Теперь мост открыт с обеих сторон.

Полиция, когда доберётся, сможет войти.

Он вернулся к остальным.

— Идём в угол, — сказал он.

Они пошли через ворота в заводской двор.

Северный угол был хорош — Максим выбрал правильно. Глухая стена слева и позади, впереди открытый двор, мост виден насквозь, ворота видны. Из тёмных оконных проёмов тянуло холодом, но здесь, снаружи, воздух был просто ночным. Не тем.

Они сели — кто на камни, кто прямо на землю. Максим остался стоять.

— Сколько сейчас? — спросила Лера.

— Без пяти восемь, — сказал Ранко.

— Темнеет в половине десятого примерно.

— Значит, полтора часа света.

— Полиция может успеть до темноты, — сказала Лена. — Если они выехали, когда Лера звонила — они уже были в дороге. Дерево — задержка, но не критичная.

— Или критичная, — сказала Марина. — Если Крот успел предупредить.

— Крот не будет нападать на полицию.

— Ты уверена?

Лена не ответила.

Катя сидела у стены, вытянув ноги. Смотрела на мост — на берег за ним, на тёмные крыши посёлка.

— Я должна была уехать раньше, — сказала она тихо.

— Катя, — сказал Максим.

— Нет, правда. Я видела его три раза. Я видела свет на заводе четыре раза. Я написала в журнале «если что». — Она помолчала. — Я не уехала, потому что думала — это просто страх. Что я придумываю.

— Страх — это не «просто», — сказала Марина. — Страх — это информация.

— Я биолог. Я не верю в информацию без источника.

— Источник был, — сказала Марина. — Просто ты не могла его классифицировать.

Катя посмотрела на неё.

— Ты психолог?

— Учусь.

— Хорошо учишься.

Марина чуть улыбнулась — первый раз за несколько часов, Максим заметил.

Ранко достал из рюкзака термос — каким-то образом уцелел — и налил по очереди. Горячий чай, не очень крепкий. Максим взял кружку, сделал глоток.

Горячее прошло внутрь, и он почувствовал, что устал — по-настоящему устал, не той усталостью, которая бывает от нагрузки, а той, которая бывает, когда долго держишь что-то в напряжении и только что чуть ослабил хватку.

Он не ослаблял хватку. Просто отметил, что устал, и поставил это на потом.

— Максим, — сказал Ранко тихо.

— Что?

— Ты думаешь, оно не выйдет ночью? Из завода?

Максим смотрел на тёмные оконные проёмы центрального корпуса.

— Днём оно не вышло, — сказал он.

— Днём мы уходили. Ночью мы сидим прямо перед ним.

— Знаю.

— И?

Максим помолчал.

— Ермолаева сказала, что оно ждёт, пока люди сами войдут, — сказал он. — Мы не входим. Мы снаружи.

— Ты думаешь, это имеет значение?

— Не знаю, — сказал Максим. — Но это единственная логика, которая у нас есть. И пока она работает.

Ранко посмотрел на завод. Потом на Максима.

— Хорошо, — сказал он. — Ладно.

Они сидели в углу заводского двора и пили чай из одного термоса, и ждали полицию, и смотрели на мост, и иногда — не специально, просто потому что не смотреть было труднее — смотрели на тёмные окна завода.

В окнах не было ничего.

Это было, пожалуй, самым странным — как много в этом месте значило отсутствие чего-либо. Как темнота в оконных проёмах была не просто темнотой, а чем-то, что занимало пространство.

В половине девятого Лера сказала:

— Смотрите на мост.

Они посмотрели.

На мосту — с берегового конца, медленно, с фонариком — шёл человек.

Максим встал.

Фонарик качался ритмично — человек шёл неторопливо, уверенно. Не крался. Шёл открыто.

— Полиция? — спросила Лена.

— Один человек, — сказал Максим. — Полиция не ходит по одному.

Человек дошёл до середины моста. Остановился. Посветил фонариком в сторону двора — нашёл их, шестерых, в северном углу.

Максим не двигался.

Человек на мосту опустил фонарик. Сделал ещё несколько шагов вперёд.

И тогда Катя — тихо, почти про себя — сказала одно слово:

— Крот.

Гл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.